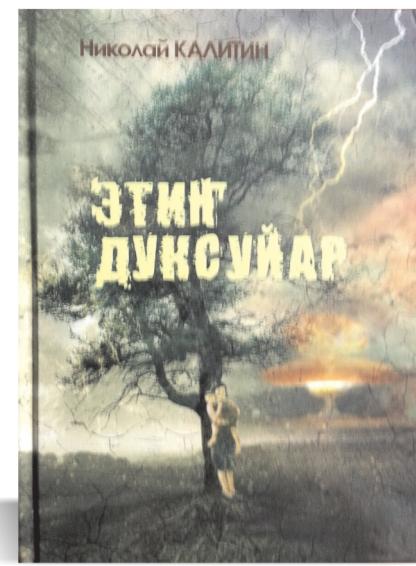

Заветной тропою предков

Поэт и прозаик Николай Калитин среди писателей, живущих ныне в Якутии да и в России вообще, является своего рода уникумом. Даже можно сказать, «рекордсменом» — по степени верности своей малой родине и неразрывности связи с ней

Согласитесь, что многие мэтры, родившиеся когда-то в далёкой глубинке и прописавшиеся со временем в столицах, нечасто наведываются в родные пенаты, а порой не бывают там десятилетиями. В какой-то мере их можно понять: «громадей» творческих планов, вечная занятость на работе и в общественных делах, дорогоизна

билетов при наших немалых расстояниях, но... Но ничто из перечисленного разу не стало препятствием для Николая Калитина: из прожитых им на белом свете 75 лет «выпали» лишь три года, когда он не сумел побывать в родных местах, — служба в армии. И это при том, что оказаться на его малой родине очень непросто — она находится далеко в тайге, где ещё два столетия назад обосновался эвенкийский род Морсо.

Участь в школе, а затем в Литинституте он обязательно приезжал на каникулы, поступив на работу — тоже проводил каждый отпуск дома — там, куда зимой и летом можно было добираться не в один день и только на оленах или на лошади. А ведь он занимал немалую должность в Верховном Совете республики, а в последние десятилетия был бессменным заместителем председателя правления Союза писателей Якутии.

Но именно там, на берегах родной Ботомы, в стойбищах предков, в охотничих зимовых и на рыбаких заимках рождались его стихи, рассказы и повести, в которых ощущается близкое дыхание природы, присутствие тайги и её обитателей, уважение к ним, бес покойство за судьбу сородичей-эвенков и сохранность окружающего их мира.

В произведениях Николая Калитина нет ничего надуманного, ему не надо «высыпывать из пальца» сюжеты и образы: они сами приходят к нему на огонёк тайской избушки — только

успевай записывать! В том числе и в самом прямом смысле: писатель показал мне не только стоящий на отдельном островке «Дом творчества» — не большой домик, где он живёт и пишет во время наездов в Марбадай, но и вынесенную подальше в тайгу, на перекрестье звериных троп, неприметную избушку — своеобразный наблюдательный пункт, из окон которого можно незаметно следить за обитаелями тайги.

Характерная деталь: Калитин никогда не берёт туда с собой оружие. Сидиту небольшого оконца, смотрит, запоминает и радуется всему увиденному.

Впрочем, многие из лесных обитателей могли бы позировать ему и в открытое, поскольку давни почитают за своего. Как рассказывает он сам, в границах родовой общины «Морсо» обитает пять пар медведей с подрастающим потомством. Николай Романович и его родичи никогда не охотятся на косолапых. А те, в свою очередь, умеют их и загада уважительно сворачивают тропы.

Много интересного можно услышать и увидеть в Марбадае. Например, старинное родовое кладбище. Камень на месте упокоения родоначальника эвенков Морсо, прадеда Николая Калитина, по прозванию Белке, свидетельствует, что, судя по высеченным датам, он появился на свет в 1814 году, то есть во времена отрочества Пушкина, и пережил погибшего поэта на шесть десятков лет.

Белке официально носил титул эвен-

кийского князца и высочайше пожалованный ему символ власти — кортик. После него остался целый архив бумаг, упакованный в берестяные короба. Выходит, и тогда уже среди эвенков были грамотные люди. Но больше всего поражает то, что доныне сохранившийся внутшний по размерам и весу мраморный памятник Белке был изготовлен (штами мастерской отчёльно просматривается) в самом... Санкт-Петербурге и неведомо какими путями, но доставлен-таки в Марбадай.

В 90-е годы, когда представителям коренных малочисленных народов начали возвращать их исконные угодья, когда появилось соответствующее Республикаанско и российское законодательство, наследники Белке одними из первых создали родовую общину «Морсо», зарегистрировали её во всех положенных инстанциях и получили во владения земли своих предков на Ботоме.

Конечно, Калитину и его младшим родственникам можно было бы вести традиционное хозяйство, самим в своих угодьях заниматься оленеводством, охотой, рыбалькой, и на вполне законных основаниях не открывать границы общины для посторонних. Но не таков Николай Романович, чтобы замыкаться в каком-то малом круге и не делиться природной щедростью родных мест с другими. И потому он создал на главном стойбище предков практически целую турбазу, построив тёплую мини-гостиницу, небольшую столовую, баню.

А ещё со своими помощниками расчистил от камней речную косу, превратив её в аэропорт и открыл воздушный мост до Якутска. В итоге теперь каждое лето Марбадай принимает счастливчиков, в основном — писателей, желающих порыбачить в хрустальных водах Ботомы, пособнать грибы или ягоды и просто насладиться уникальной красотой этих мест.

Николай Романович является автором около десятка книг на эвенкийском, якутском и русском языках. Естественно, что столь близкий к природе человек в большинстве своих повестей, рассказов и стихов поднимет вопросы сохранения уникальной древней культуры эвенков, родного языка, защиты ранимой северной тайги, её рек, озёр и их обитателей. Поэтому неслучайно в его последней книге «Раскаты грома», выпущенной к 75-летию писателя, рассказывается о том, что ещё совсем недавно таинством семьи печатями — о подземных ядерных взрывах, проведённых в 80-годы на северо-западе Якутии. О том, какие они несут последствия для людей и природы, пытаются разузнать главный герой повести, которого не останавливает смертельная опасность...

Едва успев выйти, книга получила большой общественный резонанс не только в республике, но и за её пределами. А это значит, что писатель-слеподопыт Калитин идёт по верной тропе...

Владимир ФЕДОРОВ

Николай КАЛИТИН

Ученые отцов

Ох, и прыткий был
мой столетний дед!
Он гонял меня по тайге по всей,
Он учил меня с самых ранних лет
Разговорам птиц, изыку зверей.

Был завет отцов для него — закон:
Каждый звук поймай,
каждый широк знай!
И тогда тебе от зверей — поклон
И хвала тебе от пернатых стай.

Я бродил тайгой —
ак подошвы стёр!
Бурундук на мой отзывалялся свист,
Ульбась мне синева озёр,
Каждый кедр немой
был со мной речист.

Протрубит избюра похвалу судьбе,
А ему с горы откликаюсь.
Заревёт медведь
на лесной тропе —
Промолчат стволы моего ружья.

Ох, и мудрый был
мой столетний дед!
Я стайгой в ладу научился жить,
Привыкал и ты с самых ранних лет
Красоту беречь,
с красотой дружить!

Войны суровый отпечаток

Дети войны... Пока отцы и старшие братья воевали, они не отсиживались в тылу, предаваясь прежним забавам, а жили нелёгкой жизнью военного времени, усугублённого едва ли не поголовной безотцовщиной. Война закончится, и отцы вернутся с Победой, но нескоро и далеко не все...

Это они, пятнадцати, четырнадцати, а то и двенадцатилетние пареньки вставали к станкам, садились за тракторы, пасли колхозные стада, помогали материю по хозяйствству... Не выбирай, заполняли кадровые бреши и компенсировали своим неокрепшимиrukами острый дефицит взрослых рабочих рук.

Все это сполна пережил обычный сельский паренёк Вания Малохаткин. Именно трудное, полное лишений детство и «сокровевые-роковые» сформировали душу и мировосприятие будущего поэта. И если бы тому паренёку сказали, что он со временем станет известным на всю Россию, ни за что не поверил бы и себя в будущем Иванови че не узнал.

Вновь я на родине.
Трав озарение
В зыбистом отсвете рос.
И уходящее в шёпот волнение
Юных на взгорке берёз.

Скрипнули скрытные тенью калитки,
Звездный утратился след.
Небо узорно малиновой ниткой
Выткало утренний свет.

Стадо прошло.
Прохрустело раскатно,
Духом пахнуло в лицо.
Курица где-то кричала надсадно,
Видно явила яйцо.

Улица давняя той же осталась.
Двор в огорожке плетня...
Мимо меня моя детство промчалось —
И не узнало меня.

Мама... Есть ли слова более тёплые и дорогие нашему сердцу — вопрос ри-

торический. А уж в военное лихолетье вклад женщин в Победу был столь же неизмерим, как и ратный подвиг мужчин. И чтобы узнати, что значит для Ивана Малохаткина слово «мама», спрашивать не надо. Вполне достаточно открыть хотя бы один из его сборников. Вот и недавно изданном «Какая тихая земля...» обнаружите эти, казалось бы, безыскусственные, простые, но щемящие душу строчки:

Встанет мать, затопит печку.
По избе тепло прольётся.
С головы косы колечко
Упадёт и разогнётся.

Ни о чём меня не спросит —
Я прикинулся крепко спящим.
На меня щубник набросит
Кверху мехом настоющим.

Мать увижу...
Боль проснётся,
Станет к памяти тесниться.
Но уже не отзовётся

То, чему дано забыться.
Под капель часов настенных
Я припомню даль бытую,
Где в порыбе дней военных

Мать увижу молодую.

Мать увижу...
Боль проснётся,
Станет к памяти тесниться.
Но уже не отзовётся

То, чему дано забыться.
Под капель часов настенных
Я припомню даль бытую,
Где в порыбе дней военных

Мать увижу молодую.

Родина... Это слово для автора поэтического сборника сродни словам «мама», «мать», «отчизна». И чтобы выразить отношение к столь необычному понятию, Малохаткин к высокому «шиллю» и броской патетике не

прибегает и шаблонами не сорит. А находит приметы не пафосные, но искренние и в контексте дум и воспоминаний настолько точные, что и мы, читатели, заражаемся его болью и его ощущением непреходящей красоты.

И вот кувшинки позевнули,
Почувствовали прибой.
И камыши, мохясь, вздохнули,
Как бы готовясь на покой.
Всё присмирело, затянулось,
Лягушка вскрикнет в тишине,
Да соловей, как божья милость,
Вольётся в душу песней мне.
Наполненный теплом и светом,
В приветном духе красоты,
Я, Родина, здесь стал поэтому,
Так повелев сердцу ты.

Ну, а природа для него — и божество, и вдохновение». И, видимо, поэтому находит такие краски и придаёт им такую выразительность, что и не выходя за дверь, мы видим и чувствуем всё, что видит и чувствует поэт. Да так, что в пору опуститься на колени и уронить голову на грудь — то ли перед матерью-природой, то ли перед русским языком и автором.

Сирень сквозь дымку осторожно
Роняла запахи на луг.
Казалось, их потрогать можно,
Пугливые — боялись рук.

Ау реки, пока проточит,
Где первы выщелкнул камыш,
Все птицы слаженно и прочно
Взахлеб озвучивали тиши.

И яблоня чуть в отдаленье,
Утратив зимние меха,
Стояла в розоватой пene —

Хоть подсыпал к ней жениха!
Она плечами поводила,
Пчелиный чуя щекоток.
И ветру юному дарила,
Как обещанье, — лепесток.

Однако патриоту и тонкому лирику Малохаткину не чужд народный юмор и озорной песенный строй текста, так что наяву видишь и околицу села, и бойких пересмешиц девиц, и пришедших по этому случаю парней. И, само собой, гармония в руках разумбистого гармониста.

Нюрка — баба разбитая!
Слово кинь, возьмёшь сполна.
Бригадира запасная
незаконная жена.

Хороша собой, игрува,
Очи — омута темней.
А счастлива ль,
Не счастлива,
Ей самой, поди, видней.

Но в бригаде всем известно,
Что, как вечер настаёт,
Не жена и не невеста,
Нюрка плачет и пёт.

А когда рассвет осветит
Дягиль сильный перестит,
Бригадира Нюрка встретит
Отработы за версту.

И опять она игрува.
Очи — омута темней.

А счастлива ль,
Не счастлива,
Ей самой, поди, видней.

Время летит, нас не спросив. За спиной Ивана Малохаткина большая, насыщенная трудами, горечами и утратами жизнь. Но есть осознание, что главная миссия его судьбы — стать призванным поэтом — состоялась. Бо-

лье двенадцати сборников на его счету, разного ранга литературные отличия и премии, наконец, известность и любовь читающей публики, о чём мечтает и на что надеется всякий пишущий прозу либо слагающий стихи.

И — «Золотой Витязь», который был вручён осенью 2014 года. По своей патриотической составляющей и требовательности к художественному слову эта награда превосходит многие литературные конкурсы и премии, какие бы миллионы они ни сулили.

Отворилась калитка в ночи.
Может, ветер прошёл на задворки,
Может, тихо tolknuli лучи,
Что скатились с насыщенной горки.

Звёзды выткали рябь на реке.
Скомкан шум камыша и осоки.
И качается, как в тамаке,
Близкий месяц надымке высокой.

Приозёрная даль замерла.
Происнуло, что было скрыто.
Это жизнь моя в вечность пошла,
Потому и калитка открыта...

Что можно пожелать поэту в канун 85-летия? Конечно, здоровья, счастливой судьбы включе Машеньке и новых замечательных строф.

Русь моя, Русь!
Голубые зарницы,
Паводок звёздный, ширь без конца.
В окна уснувшие чуть постучится
Лист-оборванец, присев на крыльца.

Владимир КАДЫЕВ,
член СП России,
Саратов

Клинопись ангельского полёта

Современная литература народа саха удивительным образом соединяет три начала: фольклорное, корнями уходящее в далёкое прошлое, мифологическое, а также традиции русской культуры со всеми её современными веяниями

В Якутии есть писатели, пишущие как на якутском, так и на русском языке. Однако сегодня литература этого края отличается поисками своего самого стиля и попыткой возродить фольклорные жанры как новые литературные формы. Во многих современных произведениях ощущается влияние героического эпоса народа саха — олонхо с его цветистым языком аллегорий и метафор, с многочисленными оттенками и иносказами поэтического слова. В то же время эта литература тяготеет к точному соблюдению канонов европейских и восточных форм не только в структурном, но и в содержательном плане.

Но рус